

— Всё, Гарри, всё! — заявила Астория полтора часа спустя, за волосы оттягивая его от своей груди, которую он твёрдо был намерен поцеловать. — Больше никак! У меня болит и там, и здесь! Даже губы — и те горят, как в огне! Я даже целоваться не могу! Всё!

Он приподнялся на руках и внимательно её оглядел. На лицо ему напозла хитрая кривая улыбка.

— И не нужно мне предлагать свои дурацкие эксперименты! — выпалила она.

— Ну вот, — надул он обиженно губы. — У меня, что, опять на лбу написано?

— Вот такими буквами, — кивнула она. — Всё!

— Ну хорошо, — согласился он, встал на колени, перевернул её на живот и уселся сверху на бедра.

— Гарри! — взвизгнула она, пытаясь его стряхнуть. — Ты что задумал?!

Он склонился, отвёл ей за ухо прядь волос и нежно поцеловал в щёку.

— Потерпи, любимая, сейчас тебе будет приятно, — шепнул он.

Взяв её за плечи, он начал осторожно разминать их, постепенно двигаясь к шее, немного помял там и двинулся вниз, массируя между лопаток.

— М-м! — выдохнула она. — Волшебник!

— Это ты точно подметила, — улыбнулся он.

— А мы какой-то ерундой весь день занимались, — пробормотала она. — Вот же с чего сразу стоило начать!

Он продолжил массировать её вдоль позвоночника, сместился на талию и с неё — на ягодицы, которые разминал с особой любовью и тщательностью.

— Не увлекайся, — попросила она. — А то мои мысли начинают двигаться совсем не в том направлении...

Сев рядом, раздвинул ей ножки, чтобы было удобнее массировать бёдра, — особенно с внутренней стороны, — потом переключился на икры, держа голень в одной руке и разминая в другой. Последней оказалась стопа и маленькие пальчики на ней, которые он в завершение массажа все по очереди поцеловал.

— Это было чудесно, — выдавила она, с трудом удерживаясь от того, чтобы не заснуть. — Теперь бы ещё покушать чего-нибудь, а то в животике бурчит, словно там тролль завёлся!

— Омлет будешь? — спросил он. — А то ещё оладьи могу приготовить, у меня очень вкусно получается. Или хочешь блинов?

— Понятно, — скептически произнесла она, переворачиваясь на спину. — Может, к нам? Мама будет рада. Да и папа всё рвётся отыграть у тебя те пятьсот галлеонов, что проиграл в бридж две недели назад.

— Я не умею играть в бридж! — воскликнул он.

— Скажем так — не очень умеешь, — согласилась она. — Но бридж — командная игра. У тебя был замечательный партнёр.

— Это не ты, случаем? — подозрительно спросил он.

— А как ты догадался? — скромно захлопала она глазками.

— Я тобой горжусь, — сказал он. — Может, зайдём просто в какой-нибудь ресторан?

— Я думаю, что родители захотят отпраздновать твоё... хм... возвращение, — сказала она. — Пойдём!

— Пойдём, — легко согласился он.

Ужин прошёл, как он и помнил их семейные ужины — в приветливой доброжелательной атмосфере. Мистер Гринграсс вежливо, без особой настойчивости интересовался делами на работе и исподволь — планами на будущее. Естественно, на совместное будущее Гарри с Асторией — его в первую очередь заботило счастье дочери. Миссис Гринграсс весело перемигивалась с дочерью. Это всё было так знакомо, что ему казалось — можно прикрыть глаза и услышать весёлый ручеёк смеха Дафны... Астория не давала ему выпасть из состояния блаженства, то ненавязчиво касаясь его руки, то прижимаясь бедром. Однако его мысли всё настойчивее текли в определённом направлении, и она, как бы ни старалась, не была в силах была их остановить — даже поцеловать его, чтобы отвлечь, она была, по её словам, не в состоянии.

— Спасибо, — сказал он, когда ужин был закончен, и мистер Гринграсс подал знак встать из-за

стола. — Было очень вкусно!

Уж точно вкуснее, чем если бы он решился поужинать дома. Кричер кроме каши и тыквенного печенья вообще ничего готовить не умел, да и тому научился, пока обретался на кухне в Хогвартсе, а от омлета и блинов Астория отказалась.

— У вас так хорошо, что при одной мысли, что мне надо вас покинуть, меня охватывает сожаление, — продолжил он.

— Ты вполне можешь остаться, — нахмурился мистер Гринграсс. — У нас есть прекрасные комнаты для гостей...

— В моей Гарри было бы достаточно удобно! — заявила Астория.

— Дорогая, думаю, нам стоит соблюдать приличия, — возразил мистер Гринграсс. — Или хотя бы их видимость...

— Папа, я уже не маленькая! — воскликнула она, топнув ножкой.

— Тише, тише, — обнял её Гарри. — Не волнуйся и не расстраивайся. Мне правда нужно уйти.

Она бросила на него пронизательный взгляд. Скорее всего, она очень точно угадала причину его спешки.

— Нужно — так нужно, — согласилась она.

— Я люблю тебя, — сказал он.

— Я тоже тебя люблю, — откликнулась она.

— Правильно ли я понимаю, Гарри, что ты собираешься меня кое о чём попросить? — шагнул ближе мистер Гринграсс, с особым вниманием слушавший их обмен нежностями, и решивший, что пришла пора сделать предложение.

— Разве что разрешения поцеловать вашу прекрасную супругу, — склонил голову Гарри.

— Да, конечно, — машинально ответил мистер Гринграсс, — но...

Гарри обнял миссис Гринграсс и поцеловал в щеку, на что она с чувством ответила тем же.

— Нам больше не нужно за тебя волноваться? — спросила она.

— Всё хорошо, — улыбнулся он, подал руку задумчиво хмурающемуся мистеру Гринграссу, после чего сжал в объятьях Асторию.

— Спасибо за прекрасный вечер, — сказал он, с сожалением от неё отрываясь. — До завтра?

— Отличный план, — согласилась она. — Я тебя найду!

Он ничуть не удивился, обнаружив себя у знакомой коричневой двери. Конечно, он сюда и шёл, но по пути снова задумался о том, что он ей скажет... если она станет с ним разговаривать... Тем не менее ноги его всё равно привели, куда нужно. Теперь он пытался понять, стоит ему позвонить в дверь или воспользоваться дверным молотком. Послышались лёгкие шаги и шелест платья. Он обрадовался, и рот сам собой растянулся до ушей. Двадцать секунд, тридцать — ничего не произошло. Она ему не открыла!

— Панси, — позвал он.

— Поттер, — откликнулась она ещё через полминуты.

— Открой, пожалуйста, — попросил он.

— Нет, — раздалось едва слышно.

— Но почему?! — раздосадовано крикнул он, борясь с желанием стукнуть кулаком по двери.

— Не слушаешь, — упрекнула она.

— И не собираюсь! — крикнул он. — Я хочу быть с тобой! Пусти сейчас же!

На этот раз ждать пришлось значительно дольше, — несколько минут, — и он уже готов был забарабанить в дверь.

— Уходи, — сказала она.

Он всплеснул руками и, беззвучно выкрикивая ругательства, поднял лицо к небу, на которое уже давно высыпали звёзды. Сел прямо на крыльцо и прислонил голову к двери, за которой почти сразу опять послышался шелест. Он пытался придумать, как ему убедить закрывшуюся в своей скорлупе несчастную упрямицу, что ему она может верить, что он её не оставит и не бросит... Получалось не очень. Прошло полчаса или может даже больше. Внезапно его вырвало из дрёмы, в которую он успел погрузиться, даже невзирая на своё неудобное положение.

— Что? — переспросил он.

— Так и просидишь всю ночь? — повторила она.

Как ему показалось, голос раздавался чуть ниже его ушей. Судя по всему, она тоже села, но — с другой стороны двери.

— Так и просижу, — сердито буркнул он в ответ. — А завтра припрусь на работу небритый и не выспавшийся. И ты будешь виновата!

— Шантаж, — лениво откликнулась она. — Мелко!

— Ну, тогда и не спрашивай, — раздражённо выкрикнул он. — Какое тебе дело?

Хуже всего было то, что она и не намеревалась его покидать здесь, у двери. То есть либо он сам уйдёт, либо она всю ночь проведёт, сидя на жестком полу, щекой прислонившись к двери. А в том, что она сидит, прислонившись именно щекой, он почему-то не сомневался. И кто теперь шантажист? Ему чудилось, что он чувствует её дыхание за дверью. Вот она пошевелилась, и у него возникло ощущение, что она приложила ладонь с той стороны. Это было, конечно, глупо, но он поднял руку и сделал то же самое, стараясь угадать место, где лежит её ладонь.

— Спокойной ночи, Панси, — сказал он.

— Спокойной ночи, Поттер, — откликнулась она.

Как ему показалось — с сожалением.

Дремать в таком положении, конечно, было неудобно. К тому же, он сидел практически на улице. И хоть он по возможности отгородился от ночного города, наложив Репеллум и Квайетус, свет фар редких машин всё равно бил в глаза, а слабые порывы апрельского ветерка будоражили кожу, вырывая из дрёмы. Просыпаясь, он с раздражением корил её за иррациональную неуступчивость и злился на себя за вновь проснувшееся тупое упрямство, которое не позволяло ему встать и уйти. Он даже не вздрогнул, когда волосы взъерошила маленькая ладошка.

— Ты что здесь делаешь? — удивлённо спросил он.

— Я же тебе сказала, — ответила Астория, усаживаясь перед ним, подкладывая под себя плотную подушку и укутывая колени полами пальто. — Я теперь с тобой. Во всём, что бы ты ни делал. Если ты мёрзнешь под дверью Панси, то я тоже буду.

— Мёрзнуть? — улыбнулся он, укладывая подбородок ей на плечо.

— Мы волшебники, — покачала она головой. — Мёрзнуть — глупо. Но я буду рядом и с тобой. Панси-то где?

— С другой стороны двери, — вздохнул он. — Упрямится.

Астория тихонько постучала в дверь.

— Панси, привет! — сказала она.

— Привет, — слышалось сонное в ответ. — Тори?

— Точно, она самая, — подтвердила Астория. — Ты нас непустишь?

— Поттер рядом? — спросила Панси.

— Да, — ответила Астория, бросив на него ласковый взгляд.

— Пусть уходит, — сказала Панси. — А ты можешь пройти.

— Не-а, — откликнулась Астория. — Я с ним.

— Спокойной ночи, — упрямо заявила Панси.

— Спокойной ночи, — ошарашенно пробормотала Астория.

Проснулся он, конечно же, ни свет ни заря. Практически с первыми лучами солнца. Несмотря на подложенную подушку, всё тело затекло, и он со страхом ждал момента, когда попробует подняться.

— М-м, — пробормотала она ещё в полусне. — Уже утро, что ли?

— Похоже, утро, — подтвердил он, зевая так, что больно хрустнула челюсть.

— У меня всё болит, — пожаловалась она.

— Мерлин, как я хочу спать! — простонал он. — Напишу в аврорат, что я заболел...

— Головка у тебя бо-бо, — заявила Астория. — Оттого и всё остальное страдает.

За дверью послышался шорох и сдавленный стон.

— Панси, — позвал он. — Ты себя хорошо чувствуешь?

— Поттер, — вздохнула она. — Отвратительно.

— Спать надо в постели, — назидательным тоном сказал он.

— Я в своём доме, — возразила она.

— Вставай, милая, — сказал он Астории.

Та поднялась с его колен, и ноги откликнулись болью, когда в них радостно хлынула кровь. Покачав головой, он встал, кряхтя при этом, как древний старик, и прижался лбом к двери.

— Я вечером приду, — предупредил он.

— Как пожелаешь, — тихо отозвалась Панси.

Он опять всплеснул руками.

Как оказалось, в раннем пробуждении была своя хорошая сторона. Хоть одна, но была. Им с Асторией предоставилась отличная возможность пройтись, взявшись за руки, по просыпающемуся городу, над которым как раз вставало солнце, загоняя синюю дымку утренних сумерек в самые тёмные и укромные уголки. Прийти первыми в кондитерскую, занять столик на улице и улыбаясь смотреть в глаза друг другу, откусывая от пирожного и запивая чёрным кофе. От Гриммо до Гринграссов было не очень далеко, и он хотел было отвести её домой.

— Я останусь на Гриммо, — заявила Астория. — Мне нужно понять, что делать в своей новой комнате.

Когда он наконец забрался в душ, очень быстро выяснилось, что совместными усилиями вполне можно найти применение оставшимся до ухода на работу двадцати минутам — особенно, если вспомнить, что он умеет аппарировать, и поэтому к двадцати минутам можно смело прибавить ещё десять, сэкономленных на пешей прогулке в Министерство. Отведённое на бритьё время было потрачено на долгий поцелуй в прихожей, чуть было не закончившийся для него прогулом.

— Люблю тебя, — улыбнулась Астория, с сожалением от него отрываясь.

— Люблю тебя, — отозвался он и аппарировал.

Понедельник выдался на удивление скучным. Даже магглы как будто обленились, и если даже и продолжали убивать, грабить и насиловать друг друга, то как-то без огонька, словно выдохлись за бурные выходные, и Скотланд-Ярд легко справлялся и без привлечения помощи со стороны своих коллег-волшебников. Начальник аврората уже в одиннадцать утра воспользовался своим положением и отправился домой, оставив его за главного. Гарри сразу же этим воспользовался и попросил старших групп устроить аттестацию подчинённых по должностной инструкции по осмотру места происшествия, которую они постепенно внедряли в аврорате. Сам уселся оформлять отчёты по происшествиям за прошлую неделю. Майкл, вооружившись переносным компьютером, читал какую-то увлекательную статью по криминалистике с красочными картинками расчленёнки и синюшных трупов. Увлёкшись, он не заметил, как внезапно стало совсем тихо. Наконец поняв, что что-то не так, он поднял глаза и замер. На пороге кабинета стоял Рон.

Гарри молча откинулся на спинку стула, демонстративно достал из чехла на рукаве палочку и бросил её Майклу, который уже приоткрыл верхний ящик стола с пистолетом в нём. Что бы ни произошло дальше, а на Рона палочку он не поднимет.

— Даже так? — сокрушённо покачал головой старый друг.

— А как? — напряжённо спросил Гарри.

Рон сделал ещё шаг вперёд и широко развёл руки в стороны.

— Вот так, — предложил он. — А как ещё?

Гарри поднялся, подошёл к нему и обнял, а Рон радостно заключил его в объятия, с энтузиазмом похлопывая по спине.

— Прости, Гарри, — вдруг сказал Рон, отстраняясь.

— Прости?! — удивился он. — Прости?! Я?! Тебя?!

— Билл затаил на тебя, — пояснил Рон. — Я знал, что он уже давно свихнулся. Флёр, конечно, тоже дура надутая!

— Погоди, — остановил его Гарри. — Давай по порядку! Майкл, — повернулся он к помощнику. — Думаю, мне стоит пройтись... Оставляю тебя одного... безжалостно искоренять.

Он протянул руку за палочкой.

— Есть безжалостно искоренять, — флегматично ответил Майкл.

Как Гарри заметил, руки из ящика стола тот так и не вынул, пока они с Роном не покинули кабинет. Рон ещё прибавил в весе с момента их последней встречи, которая состоялась уже... дай Мерлин памяти... выходит, год назад, даже больше. Пузо он не скрывал, обтягивая его светлым джемпером поверх рубашки, но для повышения градуса солидности ещё и отпустил усы, которые теперь толстой щёткой торчали под носом, скрывая верхнюю губу и ещё пол-лица в придачу. Когда он его видел год назад, усов ещё не было, а ещё за полгода до того — и брюха тоже.

Выйдя на улицу, Гарри взял его под руку и аппарировал... Было у них любимое место ещё тех времён, когда они были не разлей вода... Получилось точно — они оказались как раз на трибуне, в месте, с которого на поле открывался отличный вид. По полю бегали игроки “Арсенала”, отрабатывая удары и пасы. Ещё немного подождать — и они разделятся пополам и начнут гонять мяч по полю. Можно было даже наложить на тренера Конфундус и поиграть вместе с ними, как во времена оные. Он посмотрел на Рона.

— Я как вспомню что я тогда тебе сказал, — покачал тот головой. — Прости меня, Гарри. Я теперь никого в жизни не назову “дерьмовой слизеринкой”.

А ещё “змеей подколодной”. Именно с тех пор они с Роном и встречаются раз в полгода — когда тот на их свадьбе вместо поздравлений невесте произнёс вот это. Сразу он не обратил внимания, как не обратила и Дафна, но всё всплыло в памяти на следующий день, когда их первая ночь оказалась отложена таким ужасным образом...

— Даже если бы я женился на Панси Паркинсон? — прищурился он.

— На этой... — вспыхнул Рон, презрительно оттопыривая губу.

Гарри сделал вид, что пристально разглядывает происходящее на поле.

— Я же даже толком их уже и не помню, — вдруг сокрушённо помотал головой Рон. — Кто такая Панси Паркинсон? Нет уж, женись, на ком хочешь. Нравятся змеи — женись на змеях!..

Рон осёкся, наткнувшись на его взгляд, сложил руки на спинке сиденья впереди и разместил на них подбородок.

— Я виноват, Гарри, — сказал он. — Я во всём виноват. Мама, конечно, тоже помогла... “Гарри, ну поцелуй же её скорее, смотри, она совсем извелась, бедняжка!” — передразнил он. — А мне... Я так мечтал, что ты будешь мне братом. Что кто-то, кто был бы ко мне добрее, чем Джордж и... Чтобы у меня был настоящий брат. Джинни говорила мне, что всё это вздор, а я продолжал ей вешать на уши, какой ты крутой и умный. Да и мама всё подстраивала, как бы вам встречаться почаще. Иметь в семье Чудо-Мальчика, про которого все знают — это статусно. Можно кумушкам на рынке похвастаться. Прости меня, Гарри.

— Ну поженились и поженились, что толку теперь-то вспоминать, — раздражённо отозвался он. — Ты же хотел, как лучше? Хотел?

Рон молча кивнул.

— Послушай, дружище, я всё понимаю, — почти ласково сказал Гарри. — Мне тоже хотелось бы, чтобы мы с тобой вечно оставались двумя беззаботными сорванцами, способными целыми днями бить баклуши в обществе друг друга. Но теперь-то мы оба понимаем, что взрослая жизнь — это совсем другое. Дружба никуда не денется, просто сейчас другие вещи оказываются важнее.

Ромильда Вейн, несмотря на детские эксперименты с Амортенцией, оказалась на редкость упорной девушкой — и ещё более влюблённой — и продолжила методичную осаду Рона, едва только выпорхнула из Хогвартса. Целых три года она добивалась своего, то бегая за ним, как собачка, то невозмутимо игнорируя немногочисленные интрижки возлюбленного и то, что он продолжал временами безо всякой надежды колотиться среди ночи в запертую дверь дома Гермионы. Рон ворвался было в любовь Ромильды, как слон в посудную лавку... но там наткнулся на терпеливого дрессировщика, и Ромильда, несмотря на своё нетерпение и долгое ожидание, удержала его буквально на расстоянии вытянутой руки, до свадьбы не позволяя даже слишком тесных объятий, не говоря уж о большем. В результате он уже сам загорелся, бросил свои юношеские глупости, полностью забыл Гермиону и был, казалось бы, готов принести луну с неба и может даже наконец сесть за учебники и сдать выпускные экзамены в Хогвартсе. И уж точно ему теперь не до того, чтобы целыми вечерами проводить с Гарри, мечтая о девушках и квиддиче.

— Потом эта история с выкидышем, — сказал Рон. — Я чуть сам с ума не сошёл...

— Глупости, — поморщился Гарри. — Моей вины в этом было ничуть не меньше!

— Герми сказала... — пробубнил Рон.

— Да слушай ты её больше! — вспыхнул Гарри. — Хочешь я тебе скажу, как она до такой мудрости дошла? Хочешь? Да легко! Уже после того, как Джинни заразилась, Гермиона на три дня заперлась в библиотеке и прочитала все книги, где хоть мельком упоминалась магическая лихорадка. И только потом пошла объяснять тебе, как ты был неправ. Не до, заметь, а после того, как! И всё! Когда ты вернулся из этой поездки, она пребывала в таком же блаженном неведении, как и все мы! А то, что инкубационный период — три недели, и шанс заболеть при контакте около одного процента — это её уже не волнует!

— Инку... — что? — переспросил Рон, повернув к нему голову.

— Время, которое проходит с момента заражения до того, как ты начинаешь реально болеть, — пояснил Гарри.

— Понятно, — кивнул Рон. — Инку...

— Инкубационный период, — терпеливо повторил Гарри. — Забей! Говорю тебе, никто не знал и не мог знать. У нас нет ни границы, ни единого терминала для прибывающих издалека, поэтому создать карантин Министерство не в состоянии. Оттого в Хогвартсе и пытаются в нас как можно быстрее запихать уроки выживания.

— Но если бы не выкидыш... — подал голос Рон.

— То мы бы все хлебнули даже не ложкой, а здоровенным черпаком, — перебил он. — Ты знаешь, я в том, что этот брак имел место быть, тоже немного поучаствовал. Не сказал бы, что сильно активной стороной — заправляла-то всем Молли, которая и Джинни на это толкала, и меня. Но в конце концов из нас троих, Джинни, Молли и меня, именно у меня предполагается наличие яиц.

— Иногда мне кажется, что все яйца Уизли хранятся у мамы в сундучке, — пожал плечами Рон.

— Ну и чёрт с твоей мамой, — спокойно сказал Гарри.

— Когда ты первый раз пошёл по бабам, мама стала говорить, что ты совсем не джентльмен, — покачал головой Рон. — Билл завёлся сильнее всех.

— Да не из-за того он завёлся, — усмехнулся Гарри.

— Ты что, тоже поверил этим сплетням про тебя и Флёр? — удивился Рон, снова обернувшись.

— Конечно, поверил, — покачал он головой. — Тем более, что это правда.

— Гарри, да... — вскричал Рон, и отвернувшись тихо добавил: — Да ты не джентльмен, Гарри. Тогда она вдвойне дура!

— Вдвойне? — удивился он.

— Не стала ничего отрицать — раз! — стал перечислять Рон. — Переспала с тобой — два!

— На самом деле, дурость-то как раз в другом, — усмехнулся Гарри. — Дурость в том, что она вышла замуж за нелюбимого человека, пять лет делила с ним постель и даже родила ему двоих детей.

— Флёр любила Билла! — сердито заявил Рон.

— С разбегу, — отозвался Гарри. — У меня совсем другие сведения. Причём заметь — из первых рук. Да к тому же ещё и под Обетом.

— Да? А что же это за любимый человек? — воскликнул Рон.

— Да какая теперь разница, — пожал плечами Гарри. — Она уехала во Францию, и мы её никогда не увидим.

“Может быть,” — добавил он про себя.

Последний разговор у них состоялся вскоре после того, как Билл уличил её в измене и потребовал развода, и Гарри ей тогда сказал, что больше, чем любовницей, интрижкой, она для него никогда не будет. Было, конечно, время, когда он легко бы повёлся на её очарование и даже позволил бы себя окрутить... Вот и надо было этим пользоваться, а не подкладываться под Билла Уизли, всего лишь чтобы оказаться поближе к любимому! Дура и есть, что тут можно сказать!

— Она не стала отпираться, и Билл тебе это запомнил, — сказал Рон. — Ты развёлся с Джинни и стал ухаживать за этой...

— Прекраснейшей девушкой на свете, — перебил его Гарри. — Только так и никак иначе!

— За Дафной, — быстро исправился Рон, явно не желая называть её прекраснейшей. — Ты стал ухаживать за Дафной, а Джинни всё плакала и плакала. Я знал, что был виноват, вот тогда и вспылil!

— Да и пусть с ним! — воскликнул Гарри. — Забей!

— Джинни умерла, и Билл сразу показал на тебя пальцем, — продолжил Рон. — Сказал, что ты должен за всё ответить. Там более, что и мама тогда слегла... Мне сразу нужно было тебе сказать, но я не знал, что Билл на такое способен.

— Он и не способен, — возразил Гарри. — Дафна бы его прихлопнула, как таракана...

— Как же ему удалось? — задумался Рон.

Гарри про себя выругался, кляня на чём свет стоит свой болтливый язык. Про того, второго, никто не знал, да и ни к чему было знать. Хотя он и не испытывал никаких угрызений совести по поводу ещё одного трупа, но даже заместителю начальника Аврората проблемы с законом были совсем не нужны. Иногда он даже радовался, что проводившие формальное расследование — а кроме как формальном оно в тех обстоятельствах быть и не могло, особенно при его фактической явке с повинной — авроры не особо задавались вопросами и уж тем более не пользовались Веритассерумом.

— Ты напрасно себя коришь, Рон, — сказал он, потрепав друга по плечу. — Их уже не вернуть — ни Джинни, ни Дафну. Тебе стоит сосредоточиться на превращении мира в сказку для Ромильды Уизли, а мне...

Он поднял лицо к небу, наслаждаясь солнцем и лёгким ветерком.

— Я не буду больше называть твоих слизеринок змеями, — пообещал Рон.

Он не стал спрашивать Рона о работе — точнее, о бизнесе. В разговоре о магазине непременно всплыл бы Джордж, и Рон снова стал бы его упрекать за то, как он обошёлся с Анджелиной. Нет, с Анджелиной он обошёлся в высшей степени замечательно — по крайней мере, та была вне себя от счастья. Настолько вне себя, что решила бросить ради него Джорджа, явно на что-то рассчитывая, а потом ещё и закатила публичный скандал с выворачиванием грязного белья, когда Гарри ей указал на невозможность совместного счастья... А попросту — послал лесом. Джордж её, конечно, сразу принял обратно — как казалось, нисколько не смутившись ролью Гарри в этой истории, но вот Рон теперь дышал праведным негодованием каждый раз, как имя Джорджа упоминалось в разговоре. Хорошо хоть Одри, умничка, сделала всё по-тихому — бесперспективный Перси ей давно надоел, и интрижка с Гарри лишь послужила толчком к решению о переменах. Прощаясь с Роном, он подумал, что рад тому, что три года назад, когда как раз случился у него тот загул, Рон не был женат на Ромильде — иначе он и с ней бы переспал и окончательно похоронил надежду на примирение с другом своей тогдашней жаждой испортить жизнь всем, кто толкал его на брак с Джинни.

После того, как он прибыл в аврорат, у него родилась мысль, которую он напряжённо обдумывал следующие полчаса до прихода старших групп с отчётом. Результаты не очень впечатляли — примерно две трети авроров вообще прошли проверку, из них примерно половине требовалась подсказка. Не верилось, что волшебники, каждый из которых при определённом везении в состоянии разрушить небольшой городок вроде Брайтона, не в состоянии запомнить инструкцию, длиной в два раза меньше той, что легко даётся тупым бобби из того же Брайтона.

— Дик, можно вас на минуточку, — попросил он, после того, как совещание закончилось. — Я бы хотел прояснить несколько вопросов относительно вверенного вам ведомства.

“Вверенное ведомство” называлось теперь “исправительное учреждение Азкабан”. Ричард Лонгсоседж, маленький тощий волшебник лет шестидесяти в непомерно длинных ботинках, был куратором Азкабана в аврорате и отвечал за содержание и перемещение на территории аврората осуждённых и кандидатов на поселение.

— Да, Гарри, конечно, — живо отозвался он. — Что ты хотел?

— Для начала — некоторые подробности, — сказал Гарри. — Мне нужно найти человека... или нескольких, и я даже не знаю, жив ли он... или она...

— А почему... — спросил Дик.

— Я хотел бы верить, что жив или жива, — перебил Гарри. — В таком случае Азкабан был бы наиболее вероятным местом...

— Бывшие Пожиратели? — коротко осведомился Дик.

— Может быть, — пожал он плечами. — Почти на сто процентов — выпускник... выпускники Слизерина.

— Понятно, — кивнул Дик. — Дата исчезновения, причина? — заметив, что Гарри мотает головой при каждом его слове, он наконец догадался: — Фамилия?

— Паркинсон, — выдохнул Гарри.

— Хм, — выдал Дик. — Что-то знакомое... Могу я спросить, почему ты... Если не секрет, конечно.

— Не секрет, — покачал он головой. — Я собираюсь жениться на Панси Паркинсон. У нас скоро будет ребёнок.

— Хм, — повторил Дик. — Ты уверен, сынок, что здесь обошлось без приворотного зелья? Конечно, Веритассерумом её уже кормить поздно, раз она в положении...

Уверен ли он? Гарри задумался. На самом деле, примерно так Амортенция и работает. Как ему говорили — дикая страсть, безудержное влечение, но без любви. А он в Панси точно не влюблён.

— Всё в порядке, Дик, — ответил он. — Но мне нужно узнать, остался ли у неё кто-нибудь.

— Если они и попали в Азкабан, то уж всяко до того, как я стал этим заниматься, — ответил Дик. — То есть до победы над Сам-знаешь-кем. Восемь лет — это очень долгий срок.

— Что вы имеете в виду? — не понял Гарри.

— После того, как мы закончили судебные процессы и казни, Азкабан пришлось расширять, поскольку он был рассчитан только на пятьдесят посетителей. Мы уже выпустили двоих осуждённых на два года и шестерых — на пять. За восемь лет мы посадили ещё двоих. Сейчас в Азкабане тридцать узников.

— П-по-прежнему н-не п-понимаю, — пролепетал Гарри, у которого в груди словно всё заморозило каким-то неприятным холодом.

— Если предположить линейный характер убыли среди заключённых, то за десять лет в Азкабанае умирает половина узников, — вдруг подал голос Майкл, который всё это время сидел в углу, кладая клавишами своего компьютера.

— Примерно так, — осторожно согласился Дик. — Ты всё ещё хочешь, чтобы я что-то узнавал?

— Да, — обречённо кивнул Гарри. — И вообще...

— Ты хочешь, чтобы я раскопал, что с ними случилось, если... — спросил Дик.

— Нет, я сам, — помотал головой Гарри.

Настроение, которое совсем недавно ещё было таким замечательным — после проведённого с Асторией утра и после примирения с Роном — стремительно катилось под откос. Он сам уже начал физически ощущать всю боль, которую причинит Панси, если сообщит ей... Дурак! Болван! Нужно же было сначала спросить — вдруг она уже знает? А если они просто сбежали куда-то за границу и хрустят себе французской булкой, пока любимая дочь занимается самоистязанием? Слизеринцы же, они и не на такое способны! И уж всяко можно было спросить мистера Гринграсса — не он ли как-то обмолвился, хоть и совершенно по другому поводу, что Паркинсоны были очень близкими друзьями?

— Когда будет что-то известно? — решил уточнить Гарри, накидывая плащ.

— Быстрее всего выйдет, если я туда отправлюсь и уже оттуда напишу, — ответил Дик. — Если отбыть прямо сейчас, то можно попытаться к завтрашнему вечеру.

— Я могу вас об этом попросить? — спросил он.

— Конечно, — легко согласился Дик. — Но сначала стоит получить направление у начальника.

— Хорошо, — кивнул Гарри. — Значит, завтра с утра? Успеете ещё сегодня бойцам выволочку устроить?

— Значит, завтра с утра, — согласился Дик. — Да, прямо сейчас и займусь.

В самом деле, должностные инструкции — это практически как устав в армии. Сделал что не так — и потом всем отделом расхлёбывать. Правда, закон волшебного мира, живущего в полном отсутствии правовой системы помимо Визенгамота, обычно в случае сомнительных доказательств выступал за изоляцию подозреваемого, но то, что удалось настоять в подобных случаях идти навстречу требованию обвиняемых использовать Веритассерум, сильно повысило шансы на более благополучный исход дела. Если бы такой же подход действовал тридцать лет назад, Сириуса бы непременно оправдали. Тем не менее первым делом стоило научить авроров как при происшествии не потерять необходимых улик и не затоптать следов. Как раз это

подчинённые Дика Лонгсосэджа и будут отрабатывать остаток недели.

— Гарри? — удивилась Пераспера, открыв дверь.

— Добрый день, — поклонился он.

— Здравствуй, Гарри, — откликнулась она. — Где ты оставил мою дочь?

— А, не волнуйся, — сказал он. — Она пытается оттереть мой дом от пыли, так что ещё пару недель вы её не увидите.

Глаза Перасперы распахнулись, а потом она улыбнулась и в притворном гневе махнула на него ладошкой.

— Тира-ан! — воскликнула она. — Так вот зачем тебе понадобилась наша доверчивая дочурка! Она-то думает, что у тебя любовь!

— Какая может быть любовь, когда у меня в доме бардак! — схватился он за голову.

Пераспера звонко рассмеялась.

— Ну, рассказывай, — предложила она. — Каким ветром тебя принесло?

— Я хотел узнать хоть что-нибудь про Паркинсонов, — сказал он, и она сразу же застыла с тревожным выражением на лице.

— А я как раз хотела тебя попросить о том же, — растерянно всплеснула она руками.

Выйдя из дома, она повела его в скамейке неподалёку от входа, где и присела, жестом пригласив его присоединиться.

— Хороший всё-таки день, — улыбнулась она.

— Неужто вам ничего не известно? — нетерпеливо спросил он.

— Однажды они пропали — и всё, — вздохнула Пераспера, нервно теребя пальцами передник.

— Дэниел пытался задавать вопросы, но ему сразу же сказали, что если он продолжит в том же духе, то о нём самом впоследствии тоже будут спрашивать...

— Кто сказал? — с нажимом спросил он.

— Он справлялся в аврорате и в итоге говорил с тогдашним заместителем начальника, — с сомнением в голосе ответила она. — Я не помню имени...

— Когда это было? — продолжил он допытываться.

— В марте девяносто восьмого, — ответила она. — Тогда они пропали. В середине апреля Дэниел пытался навести справки...

— Наверное, это был Зит Пимплноуз, — задумчиво произнёс Гарри. — Тот ещё фрукт.

— Да, и родители его наверняка были большие шутники, — кивнула Пераспера.

— Положим, не более шутники, чем те, что называли дочь Панси, — покачал он головой.

— Она, вообще-то, Персефона, — подсказала она. — Запомни — Персефона Аида Паркинсон.

— Час от часу не легче! — восхитился он. — Яблочко от яблони... А сами они?

— Дэйвус Питер и Деметра, — откликнулась она. — Для друзей просто Дэйв и Деми.

— Ну и ну! — сказал он. — Что-нибудь ещё?

— В том-то и дело, что ничего, — развела руками Пераспера. — Уже после победы над Тёмным Лордом мы ещё несколько раз пытались узнать... Ответ был всегда один — ничего не известно, и ресурсов, чтобы искать иголку в стоге сена, у них нет. Я думаю, никто просто не хотел связываться с фамилией “Паркинсон”... Пока просишь найти человека, участливо улыбаются, готовы помочь, как только называешь фамилию — сразу на лице безразличная маска.

— Чёрт, — расстроенно произнёс он.

— Чёрт, — согласилась она.

— Ещё что-нибудь? — спросил он. — Что за люди они были? Пожиратели?

— Не говори глупостей! — сердито воскликнула Пераспера. — Дэйв до самого последнего момента отбивался, как мог, от предложений подручных Тёмного Лорда вступить в ряды борцов за несвободу полукровок. Он был высокопоставленным чиновником в Министерстве, начальником собственного отдела, и Дэниел был у него заместителем. И они были наши друзья. Дэйв мне вообще как брат, да и всегда меня считал младшей сестрёнкой, заботился и опекал... Да что ты спрашиваешь, я же тебе пересказывала историю, как он меня спас, и как с Денни познакомил!

Точно, как же он мог забыть! Эта история у Гринграссов была практически семейным преданием — с настоящим злодеем, с рыцарем-спасителем и с прекрасным принцем в конце. Дафна её несколько раз пересказывала, вот только ни разу она не добавила “Паркинсон” после “дядя Дэйв”!

— А почему никто из вас мне про них не рассказал? — напряжённо спросил он. — Почему ты мне не рассказала?

— Ты стал бы искать правду ради чужого человека? — грустно откликнулась она. — Ты бы стал помогать, услышав “Паркинсон”?

— Хорошего же ты обо мне мнения! — прошипел он сквозь зубы, вскакивая. — За кого ты меня принимаешь?

Пераспера тоже вскочила и бросилась на него, беря в захват.

— Прости, милый, — сказала она. — Глупо, правда?

— Глупо то, что вы с Дэниелом отдали дочь за человека, которого, как выясняется, вы совсем не знали, — раздражённо выпалил он, чувствуя однако как постепенно остывает. — Вдвойне глупо, что упорно сватаете за него вторую.

— Прости, Гарри, — умоляющим голосом повторила она и подняла голову, заглядывая ему в лицо: — Так ты попробуешь узнать?

— Куда же я теперь-то денусь? — спросил он. — Землю буду рыть!

— А что это вы тут делаете? — раздался над ухом удивлённый голос мистера Гринграсса.

Да уж, положение вышло весьма глупое — не то, чтобы они прятались, но с натяжкой место можно было назвать укромным, а то, как крепко его обнимала Пераспера, и вовсе выглядело пикантно. Особенно в глазах человека, который требует, чтобы он спал в гостевой комнате на другом конце дома от спальни очень взрослой дочери, мотивируя это требованиями приличий.

— Ты ему скажешь? — не растерялся Гарри. — Нет? Ну ладно, тогда я. Вот Перри мне жаловалась на то, какой ты тиран и деспот, умоляла убить тебя на дуэли и просила взять третьей женой в гарем. Я ничего не перепутал?

Пераспера, распахнув от удивления глаза, даже не знала, что ответить.

— А ну, марш на кухню! — сердито сказал Дэниел. — Муж голодный, а она тут обнимается со всякими проходимцами!

Пераспера сразу же отпустила Гарри и поспешно сделала пару шагов назад.

— Слушаюсь, мой господин! — покорно сказала она, опустив ресницы.

— Совсем распустилась в последнее время! — проворчал мистер Гринграсс.

— Класс! — с завистью присвистнул Гарри. — Мне в этом направлении ещё работать и работать!

— Не переусердствуй! — по-отечески посоветовал мистер Гринграсс, весело ему подмигнув. — А то можно самого ценного лишиться!

И он изобразил пальцами ножницы, что-то отрезающие.

— Гарри очень огорчился, когда узнал, что мы его не попросили найти Дэйва с Деми, — пояснила Пераспера. — Обиделся, что мы его совсем не знаем. Сильно обиделся.

Мистер Гринграсс шагнул вперёд и заключил Гарри в объятья, похлопав его по спине.

— Прости, сын, — сказал он. — Не со зла.

— Да ладно, проехали, — пожал плечами Гарри, высвобождаясь.

— В дом зайдёшь? — спросила Пераспера.

— Нет уж, я к Астории, — покачал он головой.

— А с ней попозже зайдёте? — предложил мистер Гринграсс. — Приходите к ужину!

— Она теперь моя, — усмехнулся Гарри. — Сдали мне на руки? Привыкайте!

Едва он переступил порог дома на Гриммо, как с радостным воплем слетевшая по ступенькам Астория сразу запрыгнула на него и впилась в губы поцелуем. Тёплое чувство охватило его — он и вправду вернулся домой. Когда она, распалившись, начала дрожать от нетерпения, он спустил её на пол, с трудом оторвав губы от своих.

— Погоди немного, — попросил он. — Сначала в душ. Я пыльный и голодный.

— А я соскучилась, — заявила она, взяла его за руку и побежала вверх по ступенькам, утягивая за собой в спальню.

Поужинать удалось, лишь когда уже наступил глубокий вечер. Пока его не было, Астория закупила продуктов, навьючив их на Кричера, и занялась готовкой. В результате ужин получился вкусным и обильным. Он вспомнил про Панси, которая совершенно точно сейчас сидит в одиночестве, вышивая очередную свою картину, и задумался. Астория ему не мешала, молча потягивая чай — должно быть, чувствовала его настроение. Ему вообще казалось, что она очень хорошо его чувствует, словно успела изучить. Он накрыл её руку ладонью и с мечтательной улыбкой стал вспоминать, как они как-то раз вместе ездили на море — с Дафной и Асторией — ещё в ту пору, когда он за Дафной лишь ухаживал. Астория всё обещала, что тоже поедет с поклонником, но в итоге оказалось, что поклонник куда-то пропал. А может, его и не было вовсе?

— Что ты сейчас замышляешь с таким хитрым видом? — поинтересовалась она.

— Вспомнил нашу поездку в Малагу, — ответил он.

— Когда я даже выдумала себе ухажёра, лишь бы набиться к вам в компанию? — потупила она глазки.

— Точно, — кивнул он.

— Ты мне тогда окончательно разбил сердце, — вздохнула она.

— Когда сделал предложение Дафне? — улыбнулся он.

— А я, глупая, всё думала, что ты и за мной тоже ухаживал, — посетовала она.

— Я на всём свете, кроме неё, никого не видел, — сказал он.

— А я — кроме тебя, — пожала она плечами.

Он знал, что ни в чём не виноват, и ему не за что извиняться. Астория улыбнулась ему, будто снова уловила его мысли.

— Что дальше, Гарри? — спросила она.

— Дальше? — повторил он.

— Да, что будет дальше? — повторила она.

Этот вопрос его тоже волновал. Может, даже больше, чем её. Что он будет делать, когда он добьётся своего, сломит упрямство Панси, и она вручит ему ключ — нет, не от сердца — от

живописно увитой плющом и оттого совершенно незаметной калитки в непреодолимой стене, которой себя окружила. Что будет, когда она пустит его в совершенно беззащитный крепостной двор и станет сама до предела уязвимой? Ведь в сущности этого она и боится — остаться перед ним без защиты.

— Ты можешь мне рассказать содержание нашего свода правил в отношении брака? — поинтересовался он.

— Конечно, могу, — улыбнулась она. — Но мне будет легче, если ты заранее скажешь, что тебя интересует.

— Меня интересует, есть ли у нас легальная возможность жить втроём, — пояснил он.

— А меня ты даже не спрашиваешь? — прищурилась она. — Хочу ли я делить тебя с другой?

Он внимательно на неё посмотрел, обошёл стол, так же не опуская руки, и опустился перед ней на колено.

— Астория, — сказал он. — согласишься ли ты навек сделать меня счастливым и отдать мне свою руку?

Она развернулась к нему и склонилась, щекоча лоб выбившимися из причёски прядями волос.

— Ты какую руку просишь? — тихо спросила она. — Правую или левую? Где будет моё место подле тебя? Где будет место Панси? Ты же ведь по-прежнему будешь с ней спать? Хотя ты мне и говоришь, что её не любишь, но влечения-то своего не стесняешься? Я дура, да?

— Ты счастлива, Тори? — спросил он, глядя ей в глаза.

— Как ни странно, да, счастлива, — вздохнула она. — Конечно, в душе я хотела бы тебя для себя одной, но... Ты знаешь, если бы всё, что сейчас происходит, происходило без Панси — я всё равно не была бы ещё более счастлива, чем сейчас. Мне хорошо рядом с тобой, а всё остальное...

Он поцеловал её руку и встал.

— Мне пора, Астория, — сказал он.

— Ты ведь к Панси? — спросила она, тоже поднимаясь. — Значит, нам пора.

— Она меня снова не пустит, и я опять буду сидеть ночь на крыльце, привалившись к двери, —

улыбнулся он.

— Значит, я буду сидеть рядом с тобой, — сообщила она. — Так и будем втроём ночь коротать, но вместо мягкой постельки будет холодное крыльцо.

— Не забудь подушку на попу привязать, — посоветовал он.

Подушку решили сделать на месте из подручных материалов. После десятка минут пешей прогулки по засыпающему городу они остановились у двери дома Панси.

— Может, постучать? — спросила Астория, заметив, что он явно чего-то ждёт.

— Погоди, — попросил он.

И действительно, через пару минут он почувствовал, что Панси уже здесь.

— Панси? — позвал он.

— Поттер, — вздохнула она.

— Я тоже здесь, — сообщила Астория.

— Тори, — подтвердила Панси.

— Не пригласишь на чашку чая? — поинтересовался он.

— Тори — могу, — откликнулась она. — Не тебя.

— Я тебе кое-что принёс, — сказал он.

Панси ничего не ответила, поскольку он не задавал ей вопроса. Он с лёгкостью представил себе, как она сейчас бесстрастно смотрит сквозь дверь, сложив руки на животике.

— Мне хотелось бы тебе как-нибудь это передать, — сказал он. — Ты не могла бы приоткрыть дверь? Я обещаю, что не войду без твоего разрешения.

Дверь, конечно, не была заперта — по крайней мере, лязга замка он не услышал. Да и какой ей смысл запирается, если он в любой момент может воспользоваться заклинанием или даже аппарировать сразу в прихожую? Она всё-таки ему доверяет, если может вот так попросить оставаться снаружи и её не тревожить. Осторожно открыла, оставив щель, чтобы могла пройти

рука. Он просунул туда припасённый ещё днём пакет, и дверь опять закрылась. Может, толкнуть и войти? Нет, тогда ключ от калитки он не получит никогда — так и будет вечно ходить вдоль стены, нащупывая заветный проход. Она недолго шуршала упаковкой, а потом затихла. Он достал свой телефон и набрал номер. За дверью запиликало.

— Да, — раздалось из трубки.

— Панси, — сказал он.

— Поттер, — откликнулась она. — Такой телефон?

— Да, это такой телефон, — подтвердил он. — Так нам будет удобнее разговаривать.

— Зачем? — спросила она.

— Я хочу, чтобы ты больше говорила, — пояснил он. — Если уж я не могу сидеть рядом с тобой, то хоть так.

Он сел прислонившись к двери, и Астория с готовностью устроилась у него на коленях.

— Что ты хочешь услышать? — спросила Панси.

— Всё, — ответил он. — Что угодно. Расскажи мне про себя. Какая ты была в детстве, во что играла...

— Зачем? — спросила она.

— Сделай мне приятное, Панси, — попросил он. — Пожалуйста.

— Как все, — недоумённо ответила она. — Песочница, горка, мяч...

— Панси, — напомнил он. — Длинные предложения.

— Как все дети, — повторила она. — Была в детстве я. Совсем маленькая играла в песочнице, каталась с горки, лазала по лестницам и гоняла мяч.

— А кубики? — поинтересовался он. — Ты играла в кубики?

— Нравились головоломки, — ответила она. — Мы с папой вечерами... собирали... Строили из кубиков... дворец. Дракон... игрушечный... его рушил. Каталась на папе, в прятки... играла...

— Расскажи мне про него, — попросил он. — Про отца, я имею в виду.

— Зачем? — не поняла она.

— У меня не было родителей, — напомнил он. — Расскажи мне, как это.

Хотя она-то могла об этом и не знать.

— Прости, — отозвалась она после долгой паузы. — Я не знала. Мне очень жаль, правда!

— Спасибо, — сказал он. — Расскажешь?

— Он был такой... — замялась она, подбирая слова. — Большой, просто огромный. Настоящий великан!

— Великан? — засомневался он.

— Великан! — подтвердила она. — Я поначалу ему лишь чуть выше колена была. Он хватал меня в свои огромные ручищи и высоко подбрасывал — до самого потолка. А я смеялась и просила ещё, и он бросал и бросал, а мама стояла рядом и смеялась вместе с нами. Мне казалось, что папа такой огромный, что может вот так подбросить весь мир.

Речь её вдруг стала плавной и насыщенной, и совершенно для себя незаметно она постепенно разговорилась. Он про себя посетовал, что в школе не хватило ему жизненной мудрости разглядеть в ней — да и в ком угодно ещё, пусть даже и в той же Лаванде — эту радостную девчонку с папой-великаном и смеющейся мамой. Всё заслонило собой дурацкое противостояние, которое не только разделило их на четыре лагеря, но и отняло настолько много времени и сил, что даже и к своим-то, к гриффиндорцам, он толком присмотреться так и не успел. Мир оказался расколот на три острова “мы”, “они” и “те, что посередине”. И всё. Никаких игр, никаких компромиссов — только битва. И лишь двое близнецов наплевали на ведущуюся с серьёзными лицами войну и забросали школу бомбами-вонючками.

— С годами папа стал становиться всё меньше, — продолжала она. — Сначала я стала ему по пояс, потом — по грудь, но всё равно, как он ни уменьшался в размерах, он мог взять меня, подбросить в воздух, и как бы больно или обидно мне ни было, я сразу начинала смеяться. Однажды он мне сказал — “Какая же ты у меня красавица выросла, дочка!” И тогда я поняла, что я и вправду уже выросла...

— Твоя мама, наверное, очень красивая, — предположил он.

— Красавица? — удивилась она. — Да, я так считаю, но почему ты так подумал?

— Мне кажется, что ты должна быть на неё похожа, — пожал он плечами.

— Скажешь тоже! — откликнулась она. — Зачем ты так сказал?

— Я думаю, что ты красивая, Панси, — выдохнул он и почувствовал внезапную слабость — словно только что прыгнул с двадцатиметровой скалы в воду, выжил, и теперь организм пытается отойти от адреналинового шока. — Ты мне нравишься.

Астория тихонько хихикнула, а Панси молчала. Он уже было подумал, что спугнул её, и этот так хорошо складывавшийся разговор сейчас закончится.

— Спасибо, — сказала она после долгой паузы в несколько минут. — Приятно.

— У тебя был... друг? — осторожно спросил он и снова похолодел. — Или тот, кто был тебе дорог? Ведь наверняка тебе нравились мальчики...

Зная, что снова ступает на зыбкую почву, он тем не менее не мог удержаться, чтобы не задать такой вопрос. Она ему уже призналась, что он был первым... не просто первым, а даже первым, кто её поцеловал... Но мысль, что её сердце может принадлежать кому-то, в кого она влюбилась десяток лет тому назад, и кого до сих пор не может забыть, отчего-то доставляла ему беспокойство. Это было очень похоже на ревность — было бы, если бы он её любил... Панси издала неопределённый звук — словно подавилась.

— Когда мне исполнилось десять, — сказала она, — День Рождения устроили у Гринграссов и позвали несколько детей, с кем мы раньше не встречались. Там я познакомилась с Роже Давье... Он был такой взрослый, такой важный — и уже учился в Хогвартсе! Не отрываясь, я смотрела ему в рот и хвостиком ходила вслед за ним. С другими детьми мы пошли в сад, он залез на яблоню и стал дразниться. Я изо всех сил подпрыгнула и вцепилась в ветку, чтобы залезть к нему, а он обеими ногами наступил мне на пальцы и стал давить. Я плакала, кричала, но не отцеплялась — мне казалось, что ещё чуть-чуть, и я смогу наконец к нему залезть... Уже на четвёртом курсе он ко мне подошёл очень смущённый, долго краснел, а потом извинился. Сказал, что я ему тогда очень понравилась, и он сделал всё это, чтобы я на него обратила внимание. И получилось — долго я его после того случая не могла забыть! В школе я влюблялась то в Маркуса Флинта, то в Оливера Вуда... У меня на чердаке даже есть портрет Оливера на метле и в развевающейся мантии...

То ли оказалось, что её нежелание говорить отчасти имеет психологическую природу — оставшись один на один с бездушным куском пластика, Панси проявила способность рассказывать о себе в течение довольно долгого времени... То ли разговор о родителях снял у неё какой-то невидимый барьер, то ли она, последовав его совету, тренировалась говорить... Он внимательно слушал, впитывая в себя частичку души, которой она с ним делилась, а Астория сладко дышала в шею, и ей, судя по всему, больше не нужно было ничего на свете. В какой-то момент рассказ Панси начал угасать — слова стали тише, паузы между ними дольше. Будто звук из патефона, которому требуется завод. Потом она и вовсе умолкла, и по мерному дыханию он понял, что она заснула.

— Спокойной ночи, Панси, — сказал он, нажимая на кнопку отбоя и пряча телефон в карман.

Астория встрепенулась, подняла лицо и нашла его губы.

— Спокойной ночи, любимый, — шепнула она.

— Спокойной ночи, радость моя, — поцеловал он её в ответ.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://tl.rulate.ru/book/74095/2051766>